

Луань Лин сгорал от досады, разглядывая себя со всех сторон. Вывод напрашивался неутешительный: он превратился в тетерева. Птица эта питалась почками да мелкими жучками, а летала, мягко говоря, неважно.

Характеристики этого тела ушли недалеко от обычной домашней курицы — в заснеженном лесу он гарантированно занимал самое дно пищевой цепочки.

«Ну и непруха! — мысленно взвыл он. — Почему нельзя было превратить меня в кого-то более величественного? В волка, например?»

Раз уж сам он оказался слабаком, Гун Чао наверняка достался грозный хищник. Кем же стал напарник? И где его носит?

Луань Лин завертел головой и наконец заметил вдалеке маленькую зелёную метку, которая стремительно приближалась. Гун Чао спешил к нему, но до него оставалось ещё не меньше двухсот метров.

Пока сильного защитника не было рядом, благоразумие требовало затаиться в каком-нибудь надёжном месте.

Его жёсткие лапы погрузились в снег. Тонкий зимний покров скрыл землю; мелкая поросль давно увяла, и лишь сухие стебли сиротливо торчали из-под сугробов.

Луань Лин присмотрел густой кустарник и юркнул в самую гущу переплетённых пожухлых веток.

Он сжался в комок и нахохлился, чтобы удержать тепло.

Он чутко прислушивался к каждому шороху. Неподалёку бродила пара оленей, утыкаясь мордами в снег в тщетных попытках откопать хоть какую-то скудную зелень.

Разглядывая животных, Луань Лин убедился в правильности своих догадок: смена сезонов была прямым способом усложнить выживание.

Отыскать пропитание в субарктической тайге зимой — задача невероятно тяжёлая. В такое суровое время любая ошибка сулила смерть от голода или лютых морозов.

Повинуясь инстинктам, он пару раз ткнулся клювом в наст, но не обнаружил ничего, кроме обжигающей ледяной крошки.

Внезапно донёсся встревоженный топот копыт. Вскинув голову, Луань Лин заметил, что пасшиеся неподалёку олени резко сорвались с места и бросились наутёк.

Проследив за их направлением, Луань Лин обомлел: из-за деревьев он увидел два жёлтых звериных глаза.

На опушке стоял крупный серо-бурый койот с большими, чуткими ушами. Размерами он уступал настоящему волку, но для мелкой дичи был смертельно опасным и хитрым хищником.

В тот же миг у Луань Линия все перья дыбом встали. Он в панике взмахнул крыльями и рванул прочь, отчаянно перебирая лапами.

Столь упитанная и неуклюжая добыча посреди голодной зимы показалась хищнику даром небес. Койот азартно взвыл и ринулся в погоню — стремительный, гибкий, неумолимый.

Уже через секунду Луань Лин ощутил спиной жаркое дыхание преследователя. Из горла зверя вырывался глухой, предвещающий скорую расправу рык.

Сердце испуганной птицы заколотилось как сумасшедшее. Оглянувшись на бегу, он обмёр от ужаса: прямо над ним нависла оскаленная, готовая сомкнуться пасть.

«Мамочки!»

Он судорожно забил крыльями, совершив отчаянный рывок вперёд. Челюсти койота с громким щелчком захлопнулись в воздухе, лишь чудом не перекусив беглеца пополам, но всё же выдрал из его хвоста пучок нарядных перьев.

Луань Линия обожгло острой болью, заставив инстинкты самосохранения взвинтиться до предела.

На своих двоих от быстрого зверя уйти не удастся — оставался единственный шанс: взлететь.

Обычный тетерев способен подняться на пару метров — этого вполне хватило бы, чтобы спастись. Однако Луань Лин понятия не имел, как управлять крыльями. Мешкать было некогда: жить захочешь — взлетишь.

Приметив в паре метров впереди крупный валун, он отчаянно захлопал крыльями, пытаясь запрыгнуть на него. Лапы соскальзывали с обледенелых краев, когти скрежетали по камню, сдирая кожу, но страх притупил боль. С грехом пополам Луань Лин вскарабкался на вершину.

Увы, то, что далось птице с нечеловеческим трудом, койот одолел одним летучим прыжком.

Но Луань Лин успел подготовиться. Стоило хищнику взмыть на валун, как парень изо всех сил оттолкнулся лапами и сиганул в пустоту, нацелившись на толстый сук в паре метров над

землѐй.

В первое мгновение показалось, что он камнем рухнет вниз, но бешеное трепыхание крыльев поймало упругий поток воздуха.

До грациозного полета птицы-секретаря ему было далеко, но его тяжѐлое тетеревиное тело со скрипом, но упрямо поползло вверх.

— Курлык! — пронеслось в мыслях. — Получается! Выходит, чѐрт возьми!

Луань Лин мѐртвой хваткой вцепился взглядом в сук и замахал крыльями с утроенной силой. В последнее мгновение, буквально перед самым носом прыгнувшего койота, его когти скользнули по коре и намертво сжали ветку.

От непривычки удерживать равновесие в воздухе он едва не сорвался вниз. В панике расправив крылья, он чисто по-человечески обнял ствол дерева и наконец затих, восстанавливая дыхание.

Койот остался внизу. Задрав морду, он озадаченно созерцал, как несостоявшийся обед висит на дереве в весьма нелепой позе, обхватив ствол крыльями, словно испуганный коала.

Хищник сделал ещё пару тщетных прыжков, но каждый раз зубы смыкались в паре сантиметров от цели. Свежее мясо так и просилось в пасть, но оставалось недостижимым.

Зимний голод не тѐтка, так что сдаваться койот не собирался. Он устроился под деревом и принялся терпеливо кружить по снегу, карауля, когда у глупой птицы онемеют лапы.

Внезапно тишину зимнего леса прорезал глухой, тяжѐлый топот лап.

Койот и сидевший на ветке Луань Лин синхронно повернули головы на звук. Из пелены летящего снега пулей вылетел матѐрый серый волк.

Издав грозный рык, серый великан с ходу атаковал чужака, метя острыми клыками прямо в шею.

Мелкий койот против лесного исполина не имел ни единого шанса. Инстинктивно прижав уши и втянув шею, он попытался уйти от удара.

Но волк пощады не знал. Он настиг койота в прыжке и мѐртвой хваткой вцепился ему в бок, разрывая плоть острыми клыками.

Огласив лес истошным визгом, койот рванулся изо всех сил, буквально выдрав себя из зубов

хищника, и, поджав хвост, запетлял среди сугробов, унося ноги.

Волк сплюнул окровавленный клочок шерсти и медленно задрал голову, уставившись на тетерева. В его жёлтых глазах ещё плясал хищный азарт битвы.

Но Луань Лин даже не подумал испугаться. Радостно курлыча, он камнем бросился вниз и со всего маху налепил свои перья прямо на суровую волчью морду.

— Кур-кур-кур-курлык!!!

Волк аккуратно подцепил когтями облепившее его пернатое недоразумение, отлепил от своей физиономии и прорычал:

— По-человечески изъясняйся.

— Лао Гун, боже мой! — тут же затарахтел в его голове восторженный голос Луань Линя. — Ну ты и красавец! Настоящий вожак, сильный, грозный! Но, чёрт возьми, как же я тебе завидую! Ну почему именно ты стал волком, а я — этой курицей-переростком?!

Гун Чао прижал лапой неугомонную птицу, которая так и норовила снова залезть ему на шею, придирчиво оглядел её и хмыкнул:

— А ты у нас кто? Курица болотная? Чёрный какой-то, взъерошенный... Ну и уродство.

Уродство?!

Этот беспощадный вердикт прозвучал для Луань Линя как приговор. Он на мгновение оцепенел, после чего трагически распластался прямо на снегу.

— Как ты мог назвать меня уродливым?! Всё, моя нежная душа ранена в самое сердце! К твоему сведению, у тетеревов великолепные хвосты!

С этими словами он резко вскочил и с шумом расправил крылья. Перья на его груди вздыбились, а хвост с приятным шорохом раскрылся широким, роскошным веером.

Невзрачный чёрный комок мгновенно раздался вширь, увеличившись почти вдвое. Контрастные пестрины на чёрных перьях полукруглого хвоста и впрямь напоминали дорогой веер светской дамы. Выглядело это зрелище, признаться, довольно эффектно.

Луань Лин горделиво выпятил грудь колесом и принялся вышагивать перед волком щегольской походкой, смешно вытягивая шею при каждом шаге. Не забыл он и блеснуть эрудицией:

— Почти у всех птиц самцы выглядят куда шикарнее самок. А теперь ответь: знаешь, как называется то, что я сейчас делаю? Ну, когда вот так распускаю хвост и топорщю перышки?

Гун Чао призадумался, припоминая когда-то виденные передачи про дикую природу, и вполне серьёзно выдал:

— Знаю. Брачный танец. Токованье.

— Именно! — Луань Лин резко крутанулся на месте, представ перед волком во всей красе, кокетливо встряхнул перьями и продемонстрировал самые нарядные участки своего оперения.

Гун Чао скептически созерцал этот перформанс несколько секунд, после чего резюмировал:

— Павлин эффектнее смотрелся.

Расфуфыренный тетерев мгновенно сдулся, и перья уныло пригладились. Действительно, куда простой лесной птице до признанного короля красоты.

Разумеется, Гун Чао не мог разглядеть на птичьей физиономии разочарование. Он равнодушно скользнул взглядом по сторонам и перешёл к оценке новой локации:

— Мы в субарктическом хвойном лесу? Насколько я помню, волки в здешних широтах — хозяева положения. Наконец-то нам досталась по-настоящему грозная боевая единица.

— Рано радуешься, — прервал его Луань Лин. — Тайга зимой ошибок не прощает, и сила тут не всегда решает. Да и волка вряд ли можно назвать безусловным вершителем судеб. Про медведей забыл? А про другие стаи?

— Медведи к этому времени уже дрыхнут в берлогах. А другие волки... неужели ты думаешь, что я уступлю им в драке? — Гун Чао так и лучился самоуверенностью.

— Нам досталось самое начало зимы, а может, её финал, так что далеко не все косолапые улеглись спать. Что же касается серых... у них есть одна важная штука — стая. Волк силен коллективом, а ты, Лао Гун, одиночка. Против слаженной группы тебе не выстоять.

Гун Чао притих. Мелкие снежинки тихо ложились на его влажный чёрный нос, принося отрезвляющую прохладу.

— Одинокому волку крупная добыча не по зубам. Придётся тебе перебиваться полевыми мышками да глупыми птицами, — со знанием дела подытожил тетерев.

— Хм... Птицами, значит, — пробормотал Гун Чао, медленно опуская взгляд на напарника. Он хищно затрепетал ноздрями. — То-то я чувствую, что от тебя пахнет как-то уж слишком аппетитно. Прямо слюнки текут.

— Эй! — Луань Лин демонстративно попятился, но, вовремя сообразив, что напарник просто подшучивает над ним, резво подскочил обратно и вновь кокетливо распустил веер своего хвоста. — Так ты хочешь меня «съесть»? Ну же, смелее! Попробуй, «скушай»!

Он призывно задрал хвост и забавно закрутил бёдрами, затеяв шуточный танец.

— Если ты так сильно проголодался, я не против пожертвовать собой ради благого дела, хе-хе-хе.

Гун Чао, разумеется, прекрасно уловил двусмысленный подтекст этого заигрывания.

В прежние времена на службе его окружали суровые, грубоватые мужики, чьи разговоры так и пестрели скабрёзными шуточками, так что в подобных намёках он толк знал.

Вот только, понимая шутку, он ни на секунду не допускал мысли, что Луань Лин действительно проявляет к нему романтический интерес. Для него это было не более чем обычным мужским зубоскальством на пикантные темы.

Он бесцеремонно накрыл лапой спину напарника, прижимая буйные крылья к земле, и со вздохом произнёс:

— Кончай паясничать, не время для этого. Идём, нужно осмотреться и понять, куда нас занесло.

Волк развернулся и бесшумно зашагал в глубь заснеженной тайги.

Луань Лин быстренько пригладил перья и засеменил следом. Первая неудача его ничуть не обескуражила — впереди целый месяц, возможностей заявить о своих чувствах будет предостаточно!

Наст в лесу был ещё не слишком глубоким, но на девственно белом покрывале уже чётко отпечатались цепочки звериных следов.

— Это чьи художества? — поинтересовался Гун Чао, указывая на свежие отпечатки, по форме напоминавшие сухие листья кувшинки.

Умение читать следы в заснеженном лесу — залог выживания: так можно и от опасной встречи уберечься, и выследить сытный обед.

Луань Лин подлетел поближе и авторитетно заявил:

— Тут и думать нечего — копыта травоядного.

— Потенциальный ужин? Что ж, пойдём проверим, — оживился Гун Чао.

Тетерев согласно кивнул:

— В одиночку крупного зверя ты не завалишь, но если нам повезёт наткнуться на отбившегося от стада детёныша — сытный обед обеспечен.

Они двинулись по следу. Не успели они пройти и сотни метров, как до них донёсся тяжёлый, глухой удар, раскатистым эхом нарушивший тишину морозного леса.

Гун Чао припал к снегу и осторожно двинулся вперёд. На просторной поляне резвились несколько массивных толсторогов, устроивших яростную потасовку. Их головы венчали огромные, закрученные спиралью рога, способные сокрушить любого противника.

Два самца со свирепым видом ринулись навстречу друг другу. Столкновение их рогов отозвалось сухим, раскатистым треском. Обе туши содрогнулись от страшного удара, а невидимая волна кинетической энергии, казалось, прорезала морозный воздух.

Мощь этого столкновения была столь велика, что, окажись на месте одного из бойцов человек, его позвоночник мгновенно превратился бы в крошево.

Луань Лин, впервые в жизни наблюдавший подобное зрелище не по телевизору, а воочию, не удержался от восторженного шёпота:

— Вот это я понимаю — битва за даму сердца! Готовы лбы расшибить в кровь ради продолжения рода. О, гляди-гляди! Победитель уже пристроился обнюхивать задницу самки, ха-ха-ха! Какой пассаж! Не смотри, не смотри, это неприлично!

С этими словами озорной тетерев взлетел прямо на макушку волка и бесцеремонно закрыл его жёлтые глаза своими мягкими крыльями.

<http://bllate.org/book/18183/1751642>